

Т. В. Скребнева (Витебск)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГИПОКОРИСТИК В ОФИЦИАЛЬНОМ ИМЕННИКЕ

С точки зрения современной юридической практики, разными словами являются полные имена и образованные от них гипокористические и квалитативные формы, если последние бытуют в официальной фиксации в качестве самостоятельных номинативных единиц.

Анализ личной онимии г. Витебска на 6 годовых хронологических срезах, охватывающих 2-ю половину XX в. (1941–44 – 1994 гг.), показал, что наибольшей продуктивностью гипокористики отличались в женском именнике 40–50-х гг., когда их количество достигало соответственно **13-ти** и **8-ми** единиц (сравним: 1964 г. – **1**; 1974, 1984 – по **2**; 1994 г. – **3**). В 40-х гг. XX в. основная масса сокращенных форм имела мягкую основу (**8** единиц: *Леля, Тоня, Люся, Маланя, Лиля, Аля, Геля, Нэля*). В 50-е гг. зафиксировано уже только **3** имени-гипокористики с мягкой основой (*Нэля, Люся, Броня*), преимущественное распространение получают «твердые» формы (*Таиса, Мина, Ксана, Симма, Лора* ← *Лариса* либо аббревиатура из первых букв словосочетания *Ленин и Октябрьская революция*). Антропонимный материал 60–70-х гг. демонстрирует абсолютное употребление «твердых» форм (*Рита, Сана*), а 80-х – их равное количество с «мягкими» (*Вита, Ася*). В мужском именнике витеблян на рассматриваемых контрольных срезах обнаружено всего **2** сокращенных имени: *Алик, Макс* (оба с основой на твердый согласный; 1954 г.). Понимая некоторую условность предлагаемого объяснения, отметим, что подобная диспропорция в числе мужских и женских гипокористических имен может быть связана с нормами традиционной маскулинности и фемининности. Базисными для традиционного мужского стереотипа исследователи называют три основных фактора: «...статус (потребность в достижении успеха и уважении других), твердость, непоколебимость (внутренняя сила и уверенность в себе), отрицание фемининности...» [4, с. 166]. Полные имена, включающие в свой семантический инвариант компонент ‘серьезный’ («я хочу говорить с тобой так, как не говорят с детьми», маркированные формы) либо ‘квази-серьезный’ («я не хочу говорить с тобой так, как говорят с детьми», немаркированные формы) [1, с. 111–112], в официальном контексте полностью впи-

сываются в стереотип маскулинности, поскольку они не маркируют близость. Семантический же инвариант кратких основ включает отсылку к детям, а их мягких форм – еще и отсылку к хорошим чувствам, что, думается, нехарактерно для именованья мужчин в официальной ситуации, так как противоречит стереотипным маскулиным свойствам: мужчины «никогда не плачут» и «почти всегда действуют как лидеры» [4, с. 167]. Аналогично истолковывается тенденция к возрастанию употребительности твердых кратких форм женских имен: по справедливому замечанию А. Вежицкой, они «ближе к немаркированным полным именам» [1, с. 114], в отличие от мягких форм, не ассоциируются с «мягкими», теплыми семейными терминами (типа *тетя, дядя, няня*). Неупотребительность гипокористик в официальном именовании мужчин может обуславливаться и принципом образования отчества от паспортного имени отца (к примеру, такие отчества, как *Сашевич, Петевич* вместо *Александрович* и *Петрович*, вызывают недоумение).

Отдельно следует рассматривать сокращенные имена *Надя* ← *Надежда*, *Молли* (англ. сокр. к *Мери*; оба 1994 г.), присвоенные детям в семьях иностранных усыновителей (граждан США) и по сути ориентированные на специфику иной антропонимной системы.

О том, что людям не всегда комфортно живется в обществе с сокращенным документальным именем, свидетельствуют случаи его юридической замены. Например, в 1991 г. у 17-летней витеблянки *Риты* (отец – экскаваторщик, мать – продавец; белорусы) в записи о рождении имя изменено на *Маргарита* и др. Хотя в некоторых семьях в зависимости от субъективных представлений об эстетичности онима гипокористическое имя присваивается по женской линии на протяжении двух поколений (срез 1954 г.: мать – *Лида* Григорьевна Боярская, белоруска, контролер; дочь – *Люся*).

Нельзя не отметить, что проблема введения гипокористик в официальный именослов выходит за рамки ономастики в область психологии и философии. Виднейший представитель русской лингвофилософии о. Павел Флоренский видел в использовании уменьшительных имен за пределами интимного, узкого круга общения свидетельство самого языка о «размягчении духовного стана культуры»: «**Саша Шнейдер** в отношении пожилого, даже старого человека – разве это не противное сюсюканье, делающее вид, будто этот рисовальщик почему-то всему свету **Саша**, хотя на самом-то

деле и того, что человек должен видеть в человеке, сплошное большинство в этом, якобы нежно любимом, "Саше", конечно, не видит» [6, с. 122, 123].

Исторически эмоционально-оценочные и сокращенные варианты личных именований могли выступать в документальной фиксации в нейтральном значении для дифференциации индивидов, носящих идентичные имена. На эту их особенность указала А. М. Мезенко, впервые исследовавшая антропонимную систему г. Витебска XVII в. [3, с. 34]. Кроме того, использование деминутивных антропонимов в документах XVII в. было обусловлено «... стремлением выразить определенные социальные отношения, вызванные подчеркиванием ничтожности или зависимости называемого лица» [2, с. 12–13]. Новшество XVIII в. – четкое противопоставление официальных форм личных имен неофициальным. Согласно указу Петра I от 1701 г., употребление полуимен в официальной номенклатуре запрещалось. В списке губернских чиновников 1861 г., представленном в «Памятной книжке Витебской губернии на 1861 год» (часть I) [5, с. 1–217], сокращенные и качественные формы антропонимов нами не засвидетельствованы.

Таким образом, продуктивность гипокористик в официальном именнике витеблян от XVII в. к XX в. резко идет на убыль. Сфера их употребления во 2-й половине XX в. ограничивается женской подсистемой регионального именника, а период максимальной представленности приходится на годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие.

1. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание: сб. ст.: пер. с англ. / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. – М., 1997.

2. *Зинин, С. И.* Русская антропонимия XVII–XVIII вв. (на материале переписных книг городов России): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Зинин; Ташкентский гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Ташкент, 1969.

3. *Мезенка, Г. М.* Віцебшчына ва ўласных іменах: мінулае і сучаснасць: манаграфія / Г. М. Мезенка, В. М. Ляшкевіч, Г. К. Семянкова. – Віцебск, 2006.

4. *Митина, О. В.* Идеология маскулинности в России: постановка проблемы и экспериментальное исследование / О. В. Митина, А. Касперт, Н. А. Низовских // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 164–176.

5. *Памятная книжка Витебской губернии на 1861 год (С картой губернии).* – Витебск, 1861.

6. *Флоренский, П. А.* Имена / П. А. Флоренский. – СПб., 2007.